

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА ШУМИЛО

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка и литературы

Национальный университет «Черниговский колледж» им. Т. Г. Шевченко (Чернигов, Украина)

ORCID 0000-0003-2633-284X; shumilosm@gmail.com

ПОВТОР КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ЛИТЕРАТУРЕ СТИЛЯ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС»: К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТРОПОВ

А н н о т а ц и я . Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью стиля «плетение словес» и его литературных источников, а также значительными расхождениями исследователей во взглядах на его природу. Настоящая статья содержит анализ главного тропа плетения словес – художественных повторов с точки зрения их литературных источников, которые автор статьи усматривает в гимнографических текстах. Цель – установить преемственность украшенного стиля от литургической поэзии, а также рассмотреть приемы аллюзии и реминисценции как одни из ведущих в поэтике средневековых житий, написанных в стиле «плетение словес». При исследовании мы опирались на методы сравнительного, источниковедческого, герменевтического, лингвистического анализа художественного текста. Рассмотрение художественных повторов в украшенном стиле средневековых житий позволило прийти к таким выводам: во-первых, реминисценции и аллюзии на храмовое действо являются важнейшими приемами для средневекового агиографа, во-вторых, главным тропом, заимствованным из литургической поэзии, является художественный повтор, в-третьих, он выполняет несколько разных функций в средневековом житии. Так, он служит ключевым словом для выражения определенной идеи автора, в частности, в Житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием Премудрым, – для идеи постепенного возрастания и совершенствования святого. Повтор, сопряженный с приемами антитезы и амплификации, позволяет автору подчеркнуть особенно важные моменты произведения, усилить выразительность текста благодаря апелляции к литургической поэзии. Изучение повтора как художественного тропа, заимствованного из гимнографии, позволяет иначе взглянуть и на природу украшенного стиля, и на писательскую задачу автора, и на развитие средневековой литературы в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «плетение словес», Епифаний Премудрый, Константин Преславский, митрополит Кириан Киевский, художественный повтор, гимнографические аллюзии

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шумило С. М. Повтор как художественный прием в литературе стиля «плетение словес»: к вопросу о заимствовании гимнографических тропов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 92–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.606

ВВЕДЕНИЕ

Повтор – одна из самых ранних фигур художественной речи, восходящая, по мысли А. Н. Веселовского, к греческому эпосу и особенно характерная для славянских литератур [3: 76]. Его суть – в регулярном воспроизведении идентичных языковых элементов. Различают метрические, звуковые (рифма, аллитерация, ассонанс), морфологические, или деривационные, лексические (анафора, эпифора, рефрен, припев) и синтаксические повторы¹.

В гимнографии повтор встречается очень часто. Думается, повторы в греческих литургических произведениях генетически связаны с худо-

женственными повторами античной литературы и риторики, поскольку древнейшие гимнографические тексты имеют связь с проповедями таких знаменитых воспитанников античной риторической школы, как Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов². Оригинальные же произведения древнерусской литературы заимствуют повтор как фигуру речи из богослужебных произведений и используют ее так же, в тех же контекстах, что и древние гимнографы. Предлагаем рассмотреть сначала повторы в литургических произведениях, а затем в агиографии.

Повторы в гимнографии являются важной составляющей амплификации и выполняют

усилительно-выделительную функцию при антитезе. Можно разделить гимнографические повторы на две группы: сочетающиеся с амплификацией и сочетающиеся с антитезой. Проанализируем оба вида. Прием амплификации как основной для богослужебных произведений был бы невозможен без лексических повторов: сосредоточивая мысль на каком-то событии евангельской истории и распространяя описание этого события, гимнограф неизменно использовал лексический повтор. Это позволяло ему, с одной стороны, удержать мысль, что так важно при расширении описания, а с другой – украсить текст тем или иным ключевым словом и тем самым углубить его понимание. Повтор в средневековой литературе, в отличие от новой, воспринимался чисто эстетически – как игра слов. Многие средневековые повторы сейчас показались бы нам тавтологией, тогда как ранее они, очевидно, украшали произведение и доставляли реципиенту эстетическое удовольствие.

ПОВТОР В БОГОСЛУЖЕНИИ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ (ПО РУКОПИСИ ЦВЕТНОЙ ТРИОДИ)

Службы Страстной седмицы – одни из самых ярких в художественном смысле литургических текстов. Для анализа мы выбрали утреню Великого четверга – воспоминание Тайной вечери. В Евангелии от Иоанна тайная вечеря описана довольно подробно: воспроизведены последние наставления Иисуса. Другое важное событие этого вечера, предательство Иуды, евангелисты описывают очень скупно – как произошедшее не на глазах учеников и потому не поддающееся описанию с подробностями. Гимнограф же особенное внимание обратил именно на сюжет предательства и рассказ о нем расширил амплификацией. Так, три тропаря подряд в каноне посвящены тому, что Христос указывает на предателя среди учеников. Все они – амплификация, при помощи которой расширяется короткий евангельский рассказ. В каждом из тропарей повторяется слово «предатель» и однокоренные слова. Тропари также украшены рефреном:

«Покиваа главою Иуда злѣ продзря подвизвшеся, подобно время иски предати Судию на осуждение, иже всех есть Господь и Богъ отецъ нашихъ.

Самъ Христос другомъ вопиаше: “Единь предасть мя”. Веселие забывше, тугою и страхом одержими бяху: “Кто сей есть, скажи, – глаголюще, – Боже отецъ нашихъ.”

Иже со мною руку свою в солило вложить дерзостию, тому обаче добро бы врат житийскихъ пройти ни колиже: се же рек, являше Богъ отецъ нашихъ”³.

В стихирах на хвалитех гимнограф еще больше заостряет внимание на моменте предатель-

ства, добавляя к повторяющемуся слову «предатель» еще одно – «льстец». Это обусловлено соотношением стихир на хвалитех с иудиним целованием. Здесь автор использует повтор однокоренных слов в очень близкой позиции, что отражает средневековое восприятие эстетики повтора:

«Иуда предатель льстивъ сый, лукавымъ лобзаниемъ предаетъ Спаса Господа...»⁴.

«Иуда, рабъ и льстецъ <...> последоваше бо Учителю и в себѣ поучашеся на предание, глаголаше въ себѣ: предамъ Сего <...> Отдасть цѣлование и предаетъ Христа...»⁵.

В одной из стихир на хвалитех использован прием амплификации в совокупности с фигурой повтора (в тексте подчеркнуты различные виды повтора):

«Днесъ Иуда нищелюбиа съкрывает лице и лихостимства открывает образ: не ктому о нищихъ печется, не ктому миро продаетъ грѣшныя, но небесное миро, и от него усвоет сребренники. Течет ко иудеям, глаголетъ беззаконнымъ: “Что ми хотите дати, и азъ вам предамъ Его”. О, сребролюбиа предателя! Добру куплю творить, куплю к воле купующихъ, непродаемого куплю творить, не скупъ является въ цѣнь, но яко раба бѣжашаго продает: обычна бо крадущимъ помѣтати съвещаннаа. Нынѣ поверже святая посомъ ученикъ, бѣсование бо сребролюбиа на своего Владыку бѣситися сотвори его. Егоже искушения бѣжимъ, зовуше: долготерпѣливѣ Господи, слава Тебе»⁶.

При помощи амплификации гимнограф описывает тот фрагмент, который в Евангелиях подан очень коротко: сговор Иуды с иудеями. Стоит отметить, что в древнегреческом языке, как и в русском, слова «продать», πωλοῦν, и «предать», προδίδει, несколько схожи между собой. На игру и повторы схожих по звучанию слов в греческой, коптской и сирийской гимнографии неоднократно указывал С. С. Аверинцев [1: 112–117]. В частности, он подчеркивал использование Романом Сладкопевцем соседствующих слов «преданный» и «проданный» по отношению ко Христу в каноне на Иуду Предателя [1: 116].

Повторы играют также роль выделения ключевых слов: тот или иной гимн концентрирует внимание реципиента на каком-то одном понятии, предлагает его рассмотрение с разных сторон, и ключевые слова наиболее удобны для этого сосредоточивания на конкретной идее. Так, первая песнь канона на Великий четверг акцентирует внимание на славе Христа: рассказ о начале Его крестного пути должно предвдывать многократное прославление. Эта мысль в первой песни звучит рефреном в ирмосе и тропарях, все они заканчиваются словами: «Славне бо прославися Христос Богъ нашъ»⁷. Обращает на себя внимание невозможное по меркам современного

языка соседство слов «Славно прославися», которое в средневековом тексте выполняет функцию усиления. Здесь оно служит, кроме прочего, аллюзией на радостный гимн Великой Субботы, который исполняется на вечерне между паремиями и имеет рефрен «Славно бо прославися»⁸. Паремийный тропарь в силу своей праздничной приуроченности и указанию на его многократное исполнение⁹ является одним из самых узнаваемых в богослужении. Использование его конечной фразы «Славно прославися» в начале страстных служб, в частности в первой песне канона на Великий четверг, играет важную роль в общей композиции Страстных богослужений. Именно повтор сообщает ему то исключительное звучание, из-за которого оно становится легко узнаваемым.

Практически каждый тропарь канона имеет, по меньшей мере, дважды повторяющиеся слова. Так, в третьей песни один из тропарей при помощи повторов акцентирует внимание на неразумности Иуды:

«Безумень муж, иже предатель, – Своимъ ученикомъ предрекл еси, незлобе, – и не имат разумѣти сия. И яко безумень сый не имат разумѣти. Обаче во Мнѣ пребудете, и вѣрюю утвердитесь»¹⁰.

Девятая песнь канона построена на смешении разных значений лексемы «слово». Здесь вспоминается о том, что Христос – это воплотившееся Слово, что тайная вечеря – это Его последнее слово, в смысле наставление, Его ученикам, что сами ученики понесут слово о Нем во вселенную. Эта игра на совмещении смыслов начинается еще в ирмосе:

«Учреждения Владычния и бесмертнѣи трапезы на горничнѣмъ месте высокими умы, вѣрнии, приидите, насладимся, возшедша Слова, от словесе научившися, Егоже величаем»¹¹.

Последующие тропари как бы подхватывают эту словесную игру и продолжают ее развивать:

«Идите, – ученикомъ Слово рече, – Пасху на горничнѣмъ мѣсте, юже умъ утверди, иже тайно уча, устроите бесквасным истинным словом, твердое же благодати величайте.

Содевая Отець преже вѣкъ премудрость, ражает Мя в начатокъ путем, вѣ дела созда, яже нынѣ тайно творимаа: Слово бо не сый естеством, гласы усвая, егоже нынѣ прияхъ»¹².

Итак, повторы в гимнографических текстах выполняют несколько функций: усилительную, выделительную, в частности, с их помощью автор выделяет ключевые слова, композиционную, когда гимнограф при помощи повторов закрепляет основную мысль внутри большой амплификации, и жанрообразующую, например, в жанре

канона. Все эти особенности литургических повторов заимствовались славянами и повторились, в первую очередь, в оригинальных богослужебных произведениях.

ПОВТОРЫ В ТРИОДИ КОНСТАНТИНА ПРЕСЛАВСКОГО

Одним из первых гимнографических произведений, написанных славянами, являются дополнения к триоди Константина Преславского. Болгарский книжник, переводя постную Триодь, дописал в будничные трипесенцы несколько своих тропарей, которые по стилю и основной идее не отличались от оригинальных. Так поэтические особенности византийской гимнографии органично входят в оригинальные славянские песнопения. В дописанных Константином тропарях широко представлены антитезы и повторы, характерные для византийской Триоди:

«Раи Адам затвори неударением си,
Вторы же Адам, Христос Бог мои, отверзи и постом.
Темже и весело примем»¹³.

Повторяя имя «Адам», гимнограф вводит противопоставление ветхого Адама и Христа, характерное для средневекового мировосприятия. В этом же тропаре обращает на себя внимание слово «весело» по отношению к обетованному Раю. Здесь оно встречается впервые, но во многих последующих тропарях оно повторяется, становясь ключевым словом в произведении Константина: автор, очевидно, подчеркивает идею о радости великопостного подвига:

«Елико мы, вернии, примѣмъ весело поста вход
И масло веселия главы си помажемъ, не сѣгующе,
Но воспевающе: Господа поите и прѣвозносите»
(Попов: 238).

И далее:

«Съмыслно лица своа веселою водою омыемъ,
Вопиюще: Отче нашъ, Иже еси на небесехъ, остави
Прѣгрѣшения наша, поющихъ Тя, Христе, во вѣкъ»
(Попов: 289).

Думается, повторение слова «весело» также входит в антитетическую парадигму: пост традиционно ассоциируется с печалью как временем покаяния. Называя его «веселым», гимнограф указывает на внутреннее значение: приближение к Богу, очищение, предощущение Пасхи. Соединение антитезы и повтора, а также введение в текст неявного противопоставления – традиционные для византийской гимнографии литературные приемы, заимствованные Константином Преславским.

Повтор используется гимнографом и для усилительно-выделительной функции. Так, святость

начинаемого постного подвига описана при помощи повторения корня *-свящ-*:

«Братие, се врѣме наста прѣосвященнаго поста, Священно его примем, дѣлы добрыми съвршающе...» (Попов: 396).

Ту же функцию играет повтор в следующем тропаре, посвященном идее покаяния: повторяется слово «окаянный»:

«Рѣки слез ми даруи, Спасе милостиве, да измыю душу мою, Окаанную, и сердце же си, окаанное грѣхы...» (Попов: 397).

Чаще всего идея покаяния подчеркивается при помощи повторов корня *-грѣх-*:

«Ныня прежде исхода твоего, душе моя грѣшная, Прилежно со слезами возопии: сыгрѣшихъ къ Тебѣ, Господи, Богу единому» (Попов: 405).

При помощи повторов Константин Преславский делает акцент на том, что пост – хорошее время, чтобы положить начало праведной жизни:

«Кьи начаток сотвориши, душе моя, како же почнеши Плакати ся, грѣшнаа, все житие въ грѣсехъ живуше, Но еже отступи ти от грѣхъ» (Попов: 402).

Эта идея подчеркивается в дальнейших тропарях указанием на то, что хорошо начатый пост будет иметь славное окончание:

«Сетуи ты, душе, и плачи ся горько Христови, Молящи ся безгрѣшно скончати поста течения И воскресения святаго доити, Христа Бога славящее» (Попов: 404).

Повтор также используется автором, чтобы упорядочить каноны внутри недельного цикла. В канонах на среду и пятницу ключевым словом является «Крест». Обычно у Константина оно связано также с повтором семы «свет» в таких словах, как «сиять», «заря», «лучи» и т. д.:

«Сияет Крест, и мир весь озаряется, Имже немощни препоясашася силою» (Попов: 407).
«Аще на месте Крест возружень есть, Но шлет всде дночно свою, вьсего мира просвѣтвая» (Попов: 409).

В канонах на четверг обычно повторяется слово «апостолы», поскольку этот день традиционно считается посвященным их памяти:

«Имуще апостолы святии область грѣхы раздрешати наша, Узы моя раздрешите...» (Попов: 416).

Итак, Константин Преславский заимствовал из византийских литургических произведений основные литературные приемы: повтор и, реже, антитеза. Его творчество – это самое начало оригинальной славянской литературы, заимство-

ванные им тропы навсегда вошли в обиход славянских гимнографов, а позже – проповедников и агиографов.

ПОВТОРЫ В МИНЕЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛУЖБЫ МИТРОПОЛИТУ ПЕТРУ, СОСТАВЛЕННОЙ МИТРОПОЛИТОМ КИПРИАНОМ)

В качестве примера рассмотрим еще один оригинальный богослужебный текст чуть более позднего периода – службу святому Петру, митрополиту Киевскому, составленную митрополитом Киприаном. Художественный повтор в этой службе – один из основных приемов. Особенно выделяется использование повтора для **выделения** ключевых слов. Очевидно, такими ключевыми словами является для автора словосочетание «земля Русская», которое многократно используется в произведении:

«Кыми похвальными венци увяземъ святителя <...> реку многих чудесь, земля Руская веселяща теченьми?..

Приидите, верных собори, псаломскы въсплещемъ руками <...> въспевающе похвалу земли Русстей...»¹⁴

«Ты проявилъ еси, Владыко, последнему роду нашему чудотворца святителя Петра, земли Рустей утверждение...»¹⁵

Митрополит Петр, как известно, был первым иерархом, который перенес свою кафедру в Москву из Владимира, куда она временно переместилась из разрушенного монголами Киева. В связи с этим гимнографу особенно важно подчеркнуть единство «Русской земли» при том, что на глазах у архиереев того времени формируется два новых государства, так что гимнограф уже не вправе именовать владения митрополита собственно Русью или каким-то иным именем, он обозначает только территорию – только землю.

Воспевая митрополита Петра, Киприан, очевидно, стремится сосредоточить внимание реципиента на представлении о нем как о хорошем пастыре и управителе: он постоянно повторяет слова «правило», «пастырь» и «стадо» или «овцы». Как правило, одно и то же слово повторяется в пределах одного тропаря или стихирь, что усиливает эстетический эффект повтора. Тропари или стихирь с повторяющимся словом соседствуют друг с другом. Это свидетельствует о сознательном использовании повтора как художественного тропа с целью усиления и выделения:

«Великий пастырь всех, Христос, овцам тя, блаженне, показа своим пастыря и учителя...»

Великий человекомъ Пастырь и Спаситель от Девы яко человекъ приходит. Пучиною щедрот Вифлеемъ

уготовися. Пастыри, въспевайте обще възведение, вещающе концемъ»¹⁶.

Здесь в двух соседствующих тропарях канона, на «Славу...» и «И ныне...», по два раза используется слово «пастырь», причем в разных значениях: это и Христос, и Петр, и просто иерархи церкви. Таким образом, подчеркивается идея о единстве пастырского служения и о подражании Христу в этом.

Художественный повтор появляется в тексте службы и вне связи с ключевыми словами: он украшает стихиры и тропари, акцентирует внимание реципиента на той или иной идее, выраженной в конкретном песнопении. Так, в тропаре восьмой песни канона трижды повторяется корень *-добр-* в очень близком соседстве:

«...Подобникъ показася изрядный Пастуха добраго, избравъ своя Его добродетели добре»¹⁷.

То, что в современном литературном произведении было бы воспринято как тавтология, являлось украшением, имело функцию эстетического воздействия.

Аналогично в стихирах на хвалитех повторяется корень *-венец-*:

«...и ныне сугубых венецъ от Венцодавца приим»¹⁸.

В одном из тропарей шестой песни обращает на себя внимание повтор слов «воспевать» и «общее»:

«Мужие и священници срадутся намъ днесь, общему отцу празднующе, съгласуют убо и воспеваютъ въкупе общаа, истиннии безмольвници и прости – вси обще тебе въспеваютъ, предстателю въкупе и учителю»¹⁹.

Единоначатие слов «срадутся» и «согласуют» в этом тропаре призвано подчеркнуть идею единого прославления святителя, так же как и слово «общее». Это тоже элемент художественного повтора на фонетическом и морфемном уровнях.

В той же песни можно наблюдать использование корневого повтора:

«Чадо порочное азъ единъ быхъ, отче, страстьми скверными, воистинну недостоинъ добраго ти, славне, и красного празнования. Но ты, очистивъ мою скверну, преподобне, душевную, покажи мя вечери твоей достойна»²⁰.

Использование анафоры как одной из разновидностей повтора особенно ярко отражено в иконе:

«Новый чудотворецъ явися <...> съгласно зовем ти сице: Радуйся, страстей темныхъ прогонитель! Радуйся, света бестраснаго дом! Радуйся, бесовьськыя раздрушивъ козни! Радуйся, аггельськыя веселя чины! Радуй-

ся, высоту боговидения чистаа! Радуйся, глубино смирения, болезни омывая!...»²¹

Начиная каждую синтагму с восклицания «Радуйся!», так называемого хайретизма, гимнограф традиционно соотносит икос с жанром акафиста. Знаменательно, что во времена митрополита Киприана акафист переживал свое возрождение и только начинал входить в обиход [4], так что заимствование из акафиста является не столько традиционной жанровой формой, сколько аллюзией на входивший тогда в употребление акафист – текст для келейного чтения.

Итак, митрополит Киприан широко использует повтор как художественное средство для усиления, выделения какой-либо идеи, для сосредоточения на ключевых словах. Корневой повтор нередко используется для украшения песнопения – в качестве своеобразной игры слов. Повтор, кроме того, призван подчеркивать противопоставления и служить средством конкретизации тех или иных описаний. Так, идея пастырства конкретизируется при помощи повторов слов «правило» или «отец». Эти слова указывают на такие аспекты пастырства, как получение собственным примером и родственная, отеческая любовь.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОВТОР В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АГИОГРАФИИ

Все аспекты использования художественного повтора были вполне усвоены агиографией, что свидетельствует об определенной преемственности этого жанра от гимнографии. Рассмотрим в качестве примера Житие Сергия Радонежского. Характерным признаком стиля «сплетение словес» является так называемый **семантический** повтор, то есть повтор слов, имеющих одинаковые семы. Как правило, этот вид повтора связан с оригинальной синтаксической конструкцией, характерной для исследуемого стиля, – нализыванием синонимов, обозначением какого-то лица, предмета или понятия не конкретным словом, а целым рядом слов с тождественными или близкими значениями. Цепочки синонимов или синонимичных словосочетаний, сближающие стиль агиографии с гимнографическим (см. об этом подробнее: [2]), особенно характерны для предисловия к Житию и Похвального слова Сергию Радонежскому. В тех главах Жития, где говорится о мирском периоде жизни Сергия, тавтологические перечисления встречаются значительно реже. Первый длинный синонимический ряд встречаем в главе «О пострижении святого»: «...того уединение, и дръзновение, и стенание, прошение и всегдашнее моление...

слезы теплыя, плаkania душевнаа, молитвы непрестанна, стоянна неседальнаа...»²². Такое длинное перечисление словосочетаний с общей для нихемой «горячая молитва» призвано привлечь особое внимание читателя к данному моменту, в то время как при описании мирской жизни Сергия автор удерживается от введения в текст риторических длиннот и сам считает начало своего произведения несколько затянутым: «Не зазрите же ми грубости моей, понеже и до зде писах и продльжих слово о младенстве его, и о детьстве его, и прочее о всем белецком житии его...» (ЖСР: 309). Это распределение семантических повторов в тексте демонстрирует монашеское мирозерцание автора. Для агиографа мирской период жизни Сергия, безусловно, важен и нуждается в изложении, но несравненно важнее монашеское житие преподобного, которое должно быть описано возвышенно, наиболее украшенным стилем.

Разновидность семантического повтора – **корневой** повтор, на базе которого могут возникать и разветвляться текстовые словообразовательные гнезда, сквозные для произведения в целом²³. Агиограф многократно прибегает к этому художественному средству:

«Бог наш великодатель, и благых податель, и богатых даров Дародавец; «...родися от родителя добродородну...» (ЖСР: 290). «Тешитася и утешитася! Се бо дарова вама Бог тешениа...» (ЖСР: 396).

Корневые повторы делают прозу более звучной и поэтичной, заставляя слова эхом звучать в предложении. В Житии Сергия Радонежского они служат средством усиления и утверждения какой-то мысли. Так, например, подчеркивается доброта и благородство Сергия:

«Отрок же предобрый, предобраго родителя сын... иже от родителей добродородных и благоверных произыде, добра бо корене добра и отрасль расте, добру кореню... якоже сад благородный показася, и яко плод благоплодный процвете, бысть отроча добродельно и благопотребно...» (ЖСР: 304).

Настойчивое утверждение одного и того же качества через два-три корня (-добр-, -благ-, -род-) максимально концентрирует внимание читателя на этой характеристике Сергия. Кроме того, корневой повтор нередко служит созданию противопоставлений: «...неудобь исповедимую повемь повесть, не вема, елма же чрез есть нашу силу творимое» (ЖСР: 287). Противопоставлены друг другу «неудобь исповедимая» и «повесть», «не вема» и «повемь». В других местах: «Сице может мое омрачение просветити и мое неразумие вразумити» (ЖСР: 289); «...какo плотяни суще, бесплотныя враги победиша...» (ЖСР:

327). Этот прием так же, как повтор синонимов и синонимических сочетаний, роднит Житие Сергия с гимнографическими текстами, поскольку на повторении и противопоставлении однокоренных слов построены многие образные выражения богослужебных произведений, например, один из тропарей канона Иоанну Крестителю: «Неплодствующа мя безплодием, всеблаженне, сотвори дьлателя добродьтелей благочадие присно приносити...»²⁴.

Корневой повтор выполняет в Житии еще одну функцию: с его помощью автор подчеркивает взаимонаправленность действий субъекта и объекта, как правило, человека и Бога или земного человека и небесного, то есть святого: «Весть бо Господь славити славящая Его и благословляти благословящая Его...» (ЖСР: 285); «нъ обаче сподоби мя принести похвалы тебе [Сергию], приносящему мольбы о моей худости къ Христу Богу нашему» (ЖСР: 272); «славящая Мя бо... Аз прославлю... лепо бо нам того похвалити; похвала бо его... нам паче спасение духовное содевает...» (ЖСР: 272). Повтор в приведенных примерах заостряет внимание на содействии и взаимодействии небесного и земного: насколько дальнее движется к горнему, настолько горнее спускается к дальнему. Такое словоупотребление может иметь сакральный смысл и отправлять читателя к богословским текстам, часто оперирующим подобными противопоставлениями. Сравним с известной формулой, толкующей воплощение Сына Божия: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился».

В отдельных случаях целый абзац или целая глава Жития пронизаны однокоренными словами, вследствие чего образуется важное для данного фрагмента словообразовательное гнездо с вершиной в определенном слове: «слава», «свет», «дар» и т. п. Так, в первом абзаце Жития многократно встречаются слова с корнем -слав-, -благ-, чему В. Н. Топоров посвящает отдельную главу своей работы [5: 356–366]. Глава Жития Сергия Радонежского «О пострижении святого» содержит различные слова с корнем -един-, так что вся она подчиняется одной мысли – об уединении:

«...еже единому в пустыни сей жителствовати и единствовати и безмльствовати...» (ЖСР: 311); «...и оставляет его [Сергия] въ пустыни единого безмльствовати и единствовати...» (ЖСР: 311); «...желанием вжелах сего, еже житии ми единому в пустыни, без всякого человека...» (ЖСР: 312); «...того [Сергия] уединение и дръзновение...» (ЖСР: 313).

Многократное повторение слова должно способствовать уяснению его смыслов и формированию устойчивого образа Сергия как отшельника.

Акцентуация корня *-един-* может быть рассмотрена и как аллюзия на труд Дионисия Ареопита «Об именах Божиих», где слово «единица» представлено в качестве одного из имен Божества²⁵.

Еще одна разновидность семантических повторов – **повтор тропов** (в первую очередь, метафор), обладающих общими семантическими компонентами или построенных по одинаковой схеме. Особого внимания в Житии Сергия заслуживают те тропы, с помощью которых Епифаний описывает преподобного. Автор, изображая Сергия, вводит в текст многочисленные образные выражения, эпитеты, сравнения. При этом каждой главе или совокупности глав присущи свои повторяющиеся тропы, то есть в каждой главе Сергей предстает перед нами несколько иначе, чем в предыдущей. Это дает возможность проследить представления агиографа о святости и формировании личности святого.

В предисловии Епифаний чаще всего связывает образ Сергия с понятием дара:

«...должны есмы благодарити Бога о всем, еже дарова нам такова старца свята...» (ЖСР: 285); «слава Богу о неизреченном Его даре...» (ЖСР: 285); «...поистине велико то [присутствие Сергия] есть нам от Бога даровая...» (ЖСР: 285).

Сергий для Епифания – это дар от Бога нашей грешной земле. Завершая главу, автор еще несколько раз повторяет корень *-дар-*, прибегая к корневому повтору и еще раз останавливаясь на той же мысли: «Той бо есть Бог наш Великодатель, и благых Податель, и богатых даров Дародавец» (ЖСР: 289).

Также в предисловии представление о Сергии связано в Житии с понятием пользы: «...токая потреба толикую и таковую плъзу [память о Сергии] въ забытие положити...» (ЖСР: 289); «...велит в след жития его [Сергия] ходити и от сего примет ползу» (ЖСР: 283) и т. д. Повтор слова «польза», практически всегда сопутствующего в начальных строках Жития упоминанию о Сергии, закрепляется тут же цитатой из Лавсаика (и одновременно из Жития Марии Египетской), которая получает значение ключевой фразы для предисловия: «Тайну бо цареву лепо есть таити, а дела Божия проповедати добро есть и полезно...» (ЖСР: 283). Знаменательно, что понятия дара или пользы как средства для начальной обрисовки образа преподобного в последующих главах Жития встречаются со значительно меньшей частотностью.

В главах, описывающих детство и отрочество святого, встречаются эпитеты «благодарный», «чудный» или «дивный», «избран-

ный» и особенно «добрый» или «благой»: «Сий предобрый и вседоблий отрок...» (ЖСР: 306); «добрый же отрок достоин бысть даров духовных...» (ЖСР: 306) и т. д. Автор подчеркивает, что именно доброта, то есть «благость» в средневековом понимании этой лексемы, является началом святой жизни. Кроме того, в главах о жизни юного Сергия неоднократно возникает слово «знамение», вся мирская жизнь Сергия пронизана божественными указаниями на будущий славный подвиг. Каждый рассказ о таких «знамениях» автор завершает одной и той же фразой: «...еже и бысть» (ЖСР: 303, 304, 306, 308), обращая внимание читателя на тот период, когда пророческие предзнаменования исполнятся. Фраза «еже и бысть», несколько раз возникающая в начальных главах, звучит как рефрен, выполняя функции организации и поэтизации текста. Кроме того, повтор данного рефрена имеет и скрытую функцию некоего психологического воздействия на читателя. Автор обращает внимание читателя не на то, о чем говорится сейчас, а на то, что будет после, во время монашеского жития Сергия, то есть в тот период жизни, который для автора как монаха обладает несравненно большей ценностью. Автор всегда устремлен к тому, что случится («еже и бысть») в последующем.

В той части текста, где описывается иноческий и игуменский периоды жизни святого, агиограф использует два эпитета: «блаженный» и «преподобный». Они становятся постоянными для центральных глав произведения и последовательно чередуются друг с другом. Слово «преподобный» возникает, когда говорится о юношеском желании Сергия постричься: «Сам же преподобный юноша зело желаше мнишеского жития» (ЖСР: 311). Очевидно, что для автора преподобие и блаженство – неотъемлемые качества иноческой жизни; до монашества назвать человека преподобным нельзя: «добрый» отрок превращается в «преподобного» только после пострига. Наконец, в Похвальном слове Сергию встречаем большое разнообразие метафорических наименований святого. Похвальное слово, написанное Епифанием, довольно продолжительно и отличается особенной риторической украшенностью. Оно включает в себе похвалу Сергию, описание братской скорби по нему, молитвенные воззвания к нему и к Богу самого автора и примеры молитв к Сергию других людей. Здесь агиограф использует большое количество поэтических иносказаний, которые можно разбить на несколько групп по признакам, переносимым на образ Сергия.

Во-первых, это иносказания со световой символикой: «...яко луча, тайно сияючи и блистаючи...»; «...яко светило светлое възсия посреди тмы и мрака...»; «яко звезда незаходима...» (ЖСР: 322). Тропы, с помощью которых Сергей изображается как источник света, имеют самую большую частотность у Епифания. В картине мира писателя XV века светоносность является главным качеством святого. Помимо красивого поэтического образа, такие метафоры несут в себе скрытый смысл – намек на сакральное понимание света, которое особенно важно для периода второго южнославянского влияния. Во-вторых, автор связывает представление о Сергии с понятием благоухания: «...яко кадило благоуханное, ...яко яблоко добровонное, яко шипок благоуханный, ...яко ароматы благоухания, яко миро излианное...» (ЖСР: 322). В-третьих, встречаем описания внутренней красоты Сергия посредством сравнений с цветами и деревьями: «...яко цвет прекрасный, ...яко сад благоцветущ, ...яко кипарис при водах, яко кедр, иже в Ливане...» (ЖСР: 322). В-четвертых, автор сравнивает Сергия с драгоценными металлами и камнями, в чем снова можно видеть указание на внутреннюю красоту: «...яко злато посреди брѣнния, ...яко измарагд и сапфир пресветлый, ...яко камень честный...» (ЖСР: 322). В-пятых, встречаем иносказания, где общей семей является стойкость: «...яко град нерушим, яко стена неподвижима, яко забрала тверда...» (ЖСР: 322). В-шестых, употреблены слова с общей семей «плодоносность»: «...яко виноград плодоносен, яко гроздь многоплоден, ...яко маслина плодovита...» (ЖСР: 322).

Кроме того, представления о Сергии связаны с понятием сладости: «...яко сладкий источник...»; «...кто слыша добрый его и сладкий ответ, не насладися когда сладости словес его...» (ЖСР: 321). Наконец, Сергей представлен как тайна, глубоко сокрытая от посторонних глаз: «...яко оград заключен..., яко врьтоград затворен, яко запечатленный источник..., яко луча, тайно сияючи...» (ЖСР: 322).

На основании этих наблюдений можно выделить несколько понятий, которые для автора неотделимы от представления о совершенстве: светоносность, благоуханность (ср. с выражением, присущим гимнографии: «...в vonю благоухания духовнаго...»), красота, драгоценность, твердость, плодоносность, сладость и тайна (по-

нятия расположены в порядке убывающей частотности употребления их в тексте). Епифаний сравнивает Сергия с неким таинственным источником света, благоухания, сладости, стойкости, который приносит благие плоды, – так можно резюмировать наблюдение образных средств, к которым прибегает агиограф в Похвальном слове Сергию.

Итак, повтор тропов в повествовании позволяет проследить движение образа Сергия:

ПРЕДИСЛОВИЕ: Сергий как дар свыше, данный людям для их пользы.

ГЛАВЫ О МИРСКОЙ ЖИЗНИ СВЯТОГО: Сергий как добрый, чудный, избранный отрок.

ГЛАВЫ О МОНАШЕСТВЕ СВЯТОГО: Сергий как блаженный и преподобный, Сергий-пастырь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО: образ Сергия связан с представлениями о свете, благоухании, сладости, красоте, тайне и плодоносности.

Таким образом, система повторов в стиле «плетение словес», и в частности в агиографии этого стиля, важна для определения ключевых слов и понятий, актуальных для философской картины мира автора. В Житии Сергия Радонежского представлена система повторов, позиции и сочетания которых определяют стилистические особенности произведения и его образную систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обилие повторов, вариантов, параллелей становится тем художественным приемом, который во многом определяет писательский метод агиографа и обуславливает особенности стиля «плетение словес». Этот метод, несомненно, заимствован средневековыми агиографами из гимнографии, влияние которой, таким образом, было несомненно очень велико. Это обусловлено как богослужебной практикой средневековых книжников, то есть частотой восприятия литургических текстов, так и их несомненной лиричностью и высокой утонченностью. Повтор, сопряженный с приемами антитезы и амплификации, позволяет автору подчеркнуть особенно важные моменты жития, усилить выразительность текста через апелляцию к литургической поэзии. Изучение повтора как художественного тропа, заимствованного из гимнографии, позволяет иначе взглянуть и на природу украшенного стиля, и на писательскую задачу автора, и на развитие средневековой литературы в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повтор // КЛЭ / Гл. ред. А. А. Сурков. Т. 1. М: Сов. энциклопедия, 1962. 1088 стб.

- ² Карабинов И. А. Постная Триодь: исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1910. 296 с.
- ³ Триодь Цветная, XVI в. РГБ, собр. ТСЛ, Ф. 304. I, № 399. Л. 45.
- ⁴ Там же. Л. 46.
- ⁵ Там же. Л. 46–46 об.
- ⁶ Там же. Л. 48.
- ⁷ Там же. Л. 43.
- ⁸ Там же. Л. 91.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 4 об.–44.
- ¹¹ Там же. Л. 45.
- ¹² Там же. Л. 45 об.
- ¹³ Попов Г. Триодни произведения на Константин Преславски // Кирило-Методиевски чтения. Кн. 2. София: Издателство на Болгарската академия на науките, 1985. С. 284. Далее в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ¹⁴ Служба с житием митрополиту Петру, составленные митрополитом Киприаном // Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М.: Русский мир, 1993. С. 66.
- ¹⁵ Там же. С. 72.
- ¹⁶ Там же. С. 74.
- ¹⁷ Там же. С. 88.
- ¹⁸ Там же. С. 90.
- ¹⁹ Там же. С. 75.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 76.
- ²² Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 313. Далее в круглых скобках будет указано ЖСР и через двоеточие страница.
- ²³ Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 11–24.
- ²⁴ Канонник, XVII в. РГБ, Собр. ТСЛ, Ф. 304. I. № 289 (1195). Л. 76.
- ²⁵ Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника / Пер. с греч. и вступ. ст. Г. М. Прохорова. 5 изд., испр. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2013. С. 302–309.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р. Х. // Аверинцев С. С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. Киев: Дух і літера, 2006. С. 12–217.
2. Авласович С. М., Гриднева Л. Н. Смысл стиля «плетение словес» в «Житии Сергия Радонежского» // Филологический ежегодник. Омск, 2002. Вып. 4. С. 223–229.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 648 с.
4. Максим (Козлов), диакон. Византийские и русские досинодальные акафисты // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 3. С. 43–49.
5. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998. 864 с.

Поступила в редакцию 11.01.2021; принята к публикации 26.02.2021

Original article

Svetlana M. Shumilo, Cand. Sc. (Philology), National University “Chernihiv Collegium” named after T. G. Shevchenko (Chernihiv, Ukraine)
 ORCID 0000-0003-2633-284X, shumilosm@gmail.com

**REPETITION AS A LITERARY DEVICE IN “FLOWERY STYLE” WRITINGS:
 THE ISSUE OF HYMNOGRAPHIC TROPES BORROWING**

Abstract. The research relevancy is determined by insufficient study coverage of the “flowery style” and its literary sources, as well as wide disagreements among scholars over its nature. This article contains the analysis of literary

repetitions as the major trope of the “flowering style” with special focus on their literary sources, which the author discovers in hymnographic texts. The paper intends to establish the “flowery style” succession from liturgical poetry and also examine allusion and reminiscence as two leading literary devices for the poetics of the medieval saints’ lives written in the “flowery style”. The author used the methods of comparative, source study and hermeneutic analysis, as well as the linguistic analysis of literary texts. Examining literary repetitions in the “flowering style” of the medieval saints’ lives led to several conclusions. Firstly, reminiscence and allusion to the church divine service and ceremonial are the most important devices for medieval hagiographers. Secondly, literary repetition is the main trope borrowed from liturgical poetry. Thirdly, repetition performs several functions in the medieval saints’ lives. Thus, it serves as a key word for expressing an author’s certain idea – for instance, Epiphanius the Wise uses it in *The Life of St. Sergius of Radonezh* to promote the message and demonstrate this saint’s gradual growth and improvement. Coupled with antithesis and amplification, repetition enables the author to emphasize especially significant moments of the work and enhance text expressiveness by appealing to liturgical poetry. Addressing repetition as a literary device borrowed from hymnography gives a different view of the “flowering style” nature, writers’ objectives and the evolution of medieval literature in general.

Key words: “flowery style”, Epiphanius the Wise, Constantine of Preslav, Metropolitan Cyprian of Kiev, literary repetition, hymnographic allusions

For citation: Shumilo, S. M. Repetition as a literary device in “flowery style” writings: the issue of hymnographic tropes borrowing. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):92–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.606

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. From the shores of the Euphrates to the shores of the Bosphorus. The literary works of the Syrians, Copts and Romans in the first millennium AD. *Averintsev S. S. Collected works* (N. P. Averintseva, K. B. Sigov, Eds.). Kiev, 2006. P. 12–217. (In Russ.)
2. Avlasovich, S. M., Gridneva, L. N. The meaning of the “flowery style” in *The Life of St. Sergius of Radonezh*. *Philological Yearbook*. Omsk, 2002. Ed. 4. P. 223–229. (In Russ.)
3. Veselovskiy, A. N. Historical poetics. Moscow, 1989. 648 p. (In Russ.)
4. Maksim (Kozlov), Deacon. Byzantine and Russian pre-synodal akathists. *Journal of the Moscow Patriarchate*. 1992;3:43–49. (In Russ.)
5. Toporov, V. N. Sanctity and saints in Russian spiritual culture. Vol. 2. Moscow, 1998. 864 p. (In Russ.)

Received: 11 January, 2021; accepted: 26 February, 2021